

мане «Исяк якинъ Найманов» («Вчера ходил в Найманы») К. Г. *Абрамова*, напр. в описании внешности Кондратия Салдина: «Судо прясонть ливкс варянь кадновкст, керш бокасонть кснавшка сильге, конастонть тарныть кувака черть. Зярдю Кандра корты апак тално, сильгесь тарцк а теи. Кортавиндеряй кежень сазь эли ушоды сеереме, сестэ сильгесь киштезеви» — «На носу следы оспы, на левой стороне бородавка с горошину, из которой торчат длинные волосы. Когда Кондратий говорит спокойно, бородавка не шевелится. Если начинает злиться или кричать, то бородавка пускается в пляс» (Абрамов К. Г. Собр. соч. Саранск, 2004, т. 1, с. 31). В привед. отрывке функция портретной детали эмоционально-оценочная, способствующая наглядному представлению героя и созданию у читателя отрицат. отношения к нему. В упомянутом выше произв. Куторкина имеются значимые бытовые детали, указывающие на обстановку жилища, характеризующие в определённой мере проживающих в нём людей, в частности икона с изображением лика Саваофа (одного из 10 Священных Имён Творца) в доме Варлаама Валдаева. В романе сообщается, что эта «икона» была создана по заказу Варлаама художником, расписывающим сельскую церковь. Когда её поместили в переднем углу дома, члены семьи увидели полное сходство изображ. лика с хозяином, стали тихо посмеиваться и отказались молиться перед ней. Данная деталь подчёркивает саркастич. отношение автора к герою, к-рый добился беспрекословного повиновения близких, жёстко руководил всем и вся, что привело в конечном счете к разрушению и семьи, и сложившихся в ней традиций. Ирония заключается и в неверном произношении персонажем имени олицетворяющего идею Бога как всемогущего Владыки всех сил неба и земли («Салавох» вместо «Саваоф»). Т. обр.,

икона, выступающая в качестве детали быта, является в романе неотъемлемой частью образа героя. Психол. детали способствуют обозначению важных черт в характере и поведении лит. героев, пейзажные — передаче колорита места событий и обозначению времени действия.

Лит.: ЛЭТП; *Белокурова С. П.* Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2005; *Добин Е. Г.* Герой. Сюжет. Деталь. М., 1962; *Его же.* Сюжет и действительность. Искусство детали. Л., 1981; Введение в литературоведение / под общ. ред. Л. М. Крупчанова. М., 2005.

А. М. Каторова.

ДЕТЕКТИВ (от англ. detective — сыщик, от лат. *detego* — раскрываю, разоблачаю), остросюжетный жанр т. н. криминальной прозы, худож. произв. с особым типом построения сюжета, в основе к-рого лежит реализов. в раскрытии преступления конфликт добра и зла, разрешающийся победой добра, и посвящённое разгадыванию методом логич. анализа сложной, запут. тайны, связ. преимущ. с преступлением. Осн. героями в системе персонажей Д. являются жертва, преступник и сыщик, при этом в противостоянии двух последних реализуется конфликт добра и зла, а жертва в большинстве случаев непосредственно в конфликте не участвует, поэтому не должна вызывать ни антипатии, ни сострадания у читателя. Система персонажей расширяется за счёт либо появления «свидетелей», способствующих раскрытию преступления, либо введения ряда «мнимых» преступников — тех, на кого падает подозрение в его совершении. Задача сыщика заключается не только в изобличении преступника, но и в оправдании невиновных. Композиция сюжета строится по центростремит. принципу: все сюжетные линии, внешне мало свя-

занные в начале произв., как правило, в финале сходятся в рамках единой развязки. Ключевыми и обязат. становятся две линии развития сюжета, в основе одной из них лежит конфликт преступника и жертвы (совершение преступления), другой — конфликт преступника и сыщика (раскрытие преступления), причём чаще всего они развиваются не последовательно, а параллельно — «навстречу» друг другу. Завязкой второй линии служит обнаружение преступления, после чего в процессе расследования постепенно вырисовывается его картина, к-рая полностью восстанавливается лишь в развязке в момент изобличения преступника. Для Д. обязат. является мотив тайны, загадки, предполагающий не абс., а относит. её характер; раскрытие тайны возможно и посильно для человека, способного собрать воедино рассеянную по частям информацию и правильно её осмыслить. В совр. лит-ведении выделяется неск. разновидностей Д.: классич. (интеллектуальный), закрытого типа, психол., ист., иронич., фантастич., полит., шпионский, приключенч. (остросюжетный) и др. Осн. признаками классического Д. являются полнота описания фактов, влияющих на вероятность раскрытия тайны, и «гипердетерминированность изображаемого мира» (термин Н. Н. Вольского): обыденность обстановки, стереотипность поведения персонажей, наличие элемента игры с читателем (предложение возможности разгадать тайну раньше сыщика), существование априорных правил построения сюжета (рассказчик и сыщик не могут быть преступниками), недопустимость случайных ошибок и не выявляемых совпадений. Правилам данной разновидности жанра более всего соотв. Д. закрытого типа, характеризующийся изображением расследования преступления, совершённого в уединён-

ном месте с огранич. числом персонажей, среди к-рых находится преступник. Классич. примеры: романы «Чисто английское убийство» С. Хейра, «Десять негрятят» А. Кристи и «Левиафан» Б. Акунина (Г. Ш. Чхартишвили). В психологическом Д., в отличие от классич., поведение героев не является стереотипным или типичным, преступление совершается чаще всего по личным мотивам (по причине зависти или желания отомстить), соответственно и в расследовании гл. акцент делается на установлении личностных особенностей подозреваемых и фактов их жизни. Во фр. лит-ре выделяется школа психол. Д., осн. представители к-рой — Буало-Нарсежак (творч. тандем П. Л. Буало и Т. Нарсежака — урожд. П. Р. Эро; романы «Волчицы», «Та, которой не стало» и др.) и К. Нозль (ром. «Лифт на эшафот»). Исторический Д. характеризуется описанием давно произошедших событий или изображением расследования старинного преступления в настоящем (напр., романы «Имя Розы» У. Эко, «Неизвестная рукопись доктора Уотсона» Э. Куина, «Приключения Эраста Фандорина» Б. Акунина). Специфич. особенностью романтического Д. является описание расследования с юмористич. точки зрения. Автором произведений такого типа в рус. лит-ре является Д. А. Донцова (романы «Маникюр для покойника», «Урожай ядовитых ягодок» и др.). Разновидности фантастического Д. присущ синтез фантастики и Д., в к-ром действие происходит в вымышл. мире прошлого, будущего или альтернативного настоящего. Фантастич. Д. создавали С. Лем (ром. «Расследование»), К. Булычёв (И. В. Можейко; цикл повестей и рассказов «Интергалактическая полиция» — «ИнтерГпол»: «Предсказатель прошлого», «Последние драконы», «В куриной шкуре», «Зеркала зла» и др.), С. В. Лукья-

ненко («Геном») и др. Весьма далёкий от классич. п о л и т и ч е с к и й Д. характеризуется построением интриги вокруг полит. событий и соперничества между различными полит. силами. Гл. герой (сыщик), не имеющий отношения к политике, раскрывает, как правило, заговор полит. характера (романы «Статский советник» Б. Акунина, «Заговор патриотов (Провокация)» В. В. Левашова, «Его невозможная жизнь», «Испытание добродетели», «Магия лжи» Ч. А. Абдуллаева и др.). В ш п и о н с к о м Д. объектом расследования является разведыват. работа как в военное, так и в мирное время, героями — разведчики, шпионы и диверсанты. Раскрытие преступлений неизменно связано с динамичными погонями, невероятными приключениями и др. нетривиальными авт. решениями (ром. «Место назначения неизвестно» Кристи и др.). В п р и к л ю ч е н ч е с к и х Д. раскрываются мотивы тайны, похищения, преследования, преступления; их сюжет характеризуется напряжённостью действия, накалом эмоций, неожид. перипетиями и внезапностью развязки (напр., романы «Канатная плясунья», «Арсен Люпен против Шерлока Холмса», «Полая игла» и др. М. Леблана, «Турецкий гамбит» и «Азель» Б. Акунина).

В мордов. лит-ре осваиваются преимущ. формы классич. и приключенч. Д. Первыми произв., содержащими их элементы, являются остросюжетный рассказ «Кедровой пещтть» («Кедровые орехи», 1928) П. С. Глухова и пов. «Пятят-ялакст» («Брат с сестрой», 1938) Е. И. Пятаева. Собственно детективные произв. появились в кон. 1950-х гг. Это рассказы В. И. Виарда об авантурных историях мальчика Кеши («Кешань приключения инча» — «Приключения Кеши», 1958) и поисках им приёмного брата («Кафта пильгса сохатай» — «Двуногий сохатый», 1962). В 1960 вышел в свет

цикл рассказов «Оратф крня» («Распутанный клубок») П. К. Милинзова, положивший начало милицейскому Д. В жанре Д. написана А. С. Щегловым одноактная пьеса «Факир» (1966), посвящ. событиям Вел. Отеч. войны. В кон. 1960-х — 1990-е гг. освоение жанра продолжили Л. Ф. Макулов (пов. «Кранч» — «Ворон», 1968), Н. И. Учватов (пов. «Салама» — «Кража», 1971), В. Н. Радин (пов. «Ичкоз-день инжи» — «Далёкий гость», 1973), А. П. Тяпаев (пов. «Пинесь уркодсь шивалгомшвор» — «Собака выла перед закатом», 1992), М. С. Моисеев (пов. «Оду аф ньясамасть» — «Больше меня не увидите», 1997) и др. Наряду с мордов. Д. развивается рус. и русскоязычный классич., военный, док. и иронич.: «Шаги над пропастью. Записки партизана» (1970) С. Г. Афонина, «Последний поиск» (1992) и др. повести Л. А. Замятина, роман-диалогия «Корпус генерала Нахимова, или Схватка с Абвером» (1994) и др. произв. А. И. Инчина, «По запутанным следам. Очерки о работниках милиции» (1979) Н. Н. Скороходова, пов. «При загадочных обстоятельствах» (1991) В. В. Смирнова и др. В ж. «Странник» с 1994 существует рубрика «Детектив», где публикуются произв. местных (А. В. Горбуновой, Замятина, Смирнова и др.) и заруб., преимущ. англоязычных (Л. Блочмэна, Ф. Глаузена и др. в переводе А. И. Злобина, В. В. Ермакова, Е. А. Камкова, В. И. Лаптуна, Н. Н. Плеханковой и др.), авторов. С нач. 21 в. мордов. детективная лит-ра, как и отеч. в целом, представляет собой в основном стилизацию под классич. Д. или приключенч. лит-ру в форме Д. Классич. детективные произв. почти не встречаются. Происходит расширение тематики: писатели не ограничиваются уголовными темами, создают произведения о раскрытии сложных загадок и тайн, поисках утер. секретов, расшифровке писем и т. д. (повести «Постижение правды» Смирнова, 1997; «Эф-

фект „домино“» Замятина, 2003; «Тайна Легницкого музея», 2004 и «Барышни-старушки», 2008, Горбуновой; и др.).

Лит.: ЛЭ. Т. 3 ; Словарь литературоведческих терминов. М., 1974 ; ЛЭТП ; *Вулис А.* Поэтика детектива // Новый мир. 1978. № 1 ; *Вольский Н. Н.* Классический детектив : Поэтика жанра. М., 2005 ; *Имяреков М. Г.* Писательсь и эряфсь : (Мокшэрянь писательх-нень творческый портретсна). Саранск, 1992 ; *Девяткин С. Г.* Детективная литература // Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1.

А. М. Каторова, И. И. Шеянова.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, худож., науч.-худож. и популяр. произведения, напис. специально для детей — от дошко. до ст. шк. возраста. Истоки мордов. Д. л. восходят к произведениям нац. *детского фольклора*, к-рый начал записываться и публиковаться со 2-й пол. 19 в. в сб-ках рус., заруб. и мордов. учёных и писателей (П. И. Мельникова-Печерского, А. А. Шахматова, Х. Паасонена, А. Ф. Юртова, М. Е. Евсевьева и др.). Его жанры (колыбельные песни, потешки, пестушки, прибаутки, сказки и др.) принято наз. «народная детская литература». Помимо произведений, специально созд. для мордов. детей на родном яз., в круг дет. чтения вошли сказки-стихи А. С. Пушкина, баллады В. А. Жуковского, басни И. А. Крылова, стихи и поэмы М. Ю. Лермонтова, повести и рассказы Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и др. рус. писателей. Как и лит-ра для взрослых, мордов. Д. л. отражает различные этапы истории страны: рев. и Гражд. войны, восстановление нар. хоз-ва, индустриализацию, коллективизацию, Вел. Отеч. войну, мирное строительство и современность. В 1920-е гг. мордов. Д. л. только зарождалась, не имела сложившихся традиций, характеризовалась наличием примитивных и искусств. сюжетов, что обуславливало её низкий худож. уро-

вень. Перелом начался после прихода в мордов. лит-ру одарённых писателей — М. И. *Безбородова*, П. С. Кириллова, И. П. Кривошеева и др. Осн. вклад в развитие мордов. Д. л. 1930-х гг. внесли Ф. М. Чесноков (рассказы «Яков атя» — «Дед Яков», 1922; «Лия толт ней кармасть паломо» — «Другие огни сейчас стали гореть», 1927), А. И. Мокшони (рассказ «Митрей», 1928), Ф. С. *Атянин* (рассказ «Пусма панчф» — «Букет цветов»; сказка «Сельведь-богатырь» — «Слеза-богатырь», 1956). Хрестоматийными стали произв. «Кедровой пештть» («Кедровые орехи», 1928) П. С. *Глухова*, «Виде киге» («По верному пути», 1925) «Тюляй» (1926) и «Фанок» (1930) Мокшони. В годы Вел. Отеч. войны и первые послевоенные десятилетия успешному развитию традиций Д. л. во многом способствовали поэзия и проза Н. Эркай, Я. М. Пинясова, Л. Ф. Макулова, В. И. *Виарда*, А. С. Малькина, А. С. Щеглова, А. Моро, Д. С. Куляскина, П. У. *Гайни*. В этот период были созданы сказки в стихах «Эрзя-богатырь» Е. И. Пятаева, «Эрзянь аля» («Эрзянин»), «Колмо тувот» («Три свиньи») А. К. Мартынова, «Кие сон?!» («Кто он?!»), «Колмо богатырь» («Три богатыря») Кривошеева, «Вишка партизан» («Маленький партизан») Р. Р. Федькина. В послевоенной поэзии на первый план выходит отображение счастливого детства, прославление подвигов солдат, восхваление красоты родного края. Авторы раскрывают внутр. мир детей, показывают их заботы и чаяния, на их примере стремятся воспитывать любовь к Родине, отчему краю. Среди наиболее значимых произв., обладающих существенным воспитат. потенциалом, выделяются поэма «Мазый пинге» («Красивая пора») Атянина, сказки «Ордаж яксярго» («Строптивный утёнок», 1958) Макулова и «Душман овто» («Медведь-злодей», 1956) Гайни. В поэме Атянина показаны заботы девочки Тату